

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО

В начале было Слово

Слова «древнерусская литература» вызывают у многих сегодняшних школьников и студентов приступы ужаса или зевоты. Кажется, это что-то невероятно тоскливое, непонятное, однообразное. Школа не очень помогает разобраться, и в конце концов у взрослого современного человека складывается впечатление, что вся русская литература началась если не с Пушкина, то с Ломоносова, а до Ломоносова была какая-то летопись, в которой княгиня Ольга жгла древлян, да еще «Слово о полку Игореве». Кто интересуется конспирологией, еще вспомнят о теории поддельности «Слова о полку». А между «Словом о полку» и Ломоносовым — белое пятно, пустота, ноль.

А на самом деле там — цветная, живая, интересная и очень своеобразная литература. Конечно, сегодня мало кто из нефилологов будет читать древнерусские книги, как мы читаем книги сегодняшние или классические романы: уж очень тяжело пробираться сквозь язык, реалии, богословские рассуждения. Но, может быть, стоит хотя бы в них заглянуть? Просто чтобы вместо пустоты на этом месте появилась жизнь.

А чтобы появилась литература, нужна письменность. То, что бытует в устной традиции, — это все-таки фольклор. Часто древнерусской литературой считают «всякие там былины». Но былины принадлежат к устной фольклорной традиции, хотя и складывались в те же Средние века, когда появилась и стала развиваться древнерусская литература.

Есть много околонучных мифов о дохристианской письменности древних славян. Но существующих научных фактов недостаточно, чтобы утверждать, что до появления христианства на Руси в самом деле была своя система письменности. Некоторые люди искренне считают древнейшим письменным памятником дохристианской эпохи языческую «Велесову книгу», которую ее публикатор датировал IX веком, но ученые практически единогласно называют эту книгу грубой фальшивкой.

Письменность пришла на Русь вместе с христианством, после того как князь Владимир крестил ее. У нового христианского народа сразу появилась необходимость в богослужебных и вероучительных книгах. Эти книги существовали на старославянском языке: славянские народы Южной Европы приняли христианство раньше, чем Древняя Русь.

Различия между славянскими языками еще были невелики, и старославянский язык стал общим для всего восточного христианства. К древнерусскому он был так близок, что книги на нем были понятны древнерусским читателям без перевода.

||| **Старославянский язык** — литературный язык, основанный на диалекте южных славян — древних болгар и македонцев. Именно этим диалектом славянского языка владели жители греческой Солуни (это нынешние Салоники) Кирилл и Мефодий, создатели славянского алфавита. Именно на него они перевели с греческого богослужебные книги.

И тем не менее в первые же годы распространения христианства на Руси возникла острая необходимость в переводчиках: Русь приняла христианство от Византии, где говорили и писали по-гречески. Поэтому уже при князе Ярославе Мудром, сыне князя Владимира, в монастырях стали создаваться школы для переводчиков и переписчиков и скриптории — мастерские, где работали переписчики книг.

Первая школа открылась в 1028 году в Новгороде. В нее приняли 300 детей священников и старост.

Переводили не только богослужебные книги, жития святых и поучения Отцов Церкви, но и хроники, естественно-научные трактаты, исторические повести и многое другое. В круг

чтения грамотного древнерусского человека входили в первую очередь переводные книги. Среди них были патерики, апокрифы, исторические хроники (например, «Хроника Георгия Амартола» — история человечества от Сотворения мира до IX века). С удовольствием читали трактаты о том, как устроен мир («Хронограф» Косьмы Индикоплова, «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского); историческую повесть «Александрия», которая изначально описывала жизнь и походы Александра Македонского, но вобрала в себя столько фольклорных элементов, что стала читаться как фантастический роман. Например, в «Александрии» рассказывается о встрече войска Александра с шестирукими людьми и людьми с собачьими головами; о морских раках, которые крали у Александра войска и утаскивали в море коней; да и сам Александр в этом повествовании — сын вовсе не Филиппа Македонского, а египетского царя и волшебника Нектанава.

Патерик — свод жизнеописаний монахов, живших в определенном месте. В патерике рассказывается об искушениях, которым они подвергаются, подвигах веры, которые они совершают, явленных им знамениях и совершенных ими чудесах.

Апокриф — более подробный, чем в канонических библейских книгах, рассказ о каком-то библейском событии или персонаже, не входящий в канон (то есть список книг, которые та или иная религия или конфессия считает священными). Несколько рискованным, но по сути верным будет сравнение апокрифа с сегодняшними фанфиками — историями, которые пишутся тоже на основе какого-то «канона» и часто даже с сохранением его духа. Некоторые апокрифы содержали изложение учений, которые Церковь признала еретическими.

Шестоднев — естественно-научный трактат, где доступные автору научные сведения изложены в привязке к одному из шести дней творения: например, ботанические — в третий день, когда, согласно Книге Бытия, была создана растительность, астрономические — в четвертый день, когда были созданы Луна, Солнце и звезды, а сведения о животных — в шестой день. В «Шестодневе» можно было прочитать не только об обычных животных, но и о двухголовой змее амфисбене, о мравольве, василиске, фениксе и других фантастических существах — в те времена они считались реально существующими.

Мы есть

Первое, что ребенок узнает про себя, первое, что рассказывает другим, — меня зовут Миша, я мальчик, у меня мама Оля и папа Саша, я живу там-то. И первые шаги русской литературы — рассказать про себя, объяснить всему миру: мы — есть. Вот мы, Русь, мы существуем, мы большая христианская страна. Вот где истоки нашего народа, вот кто наши отцы, вот где мы живем. Об этом — самые древние произведения русской литературы.

Кто мы

Повесть временных лет, написанная в начале XII века, начинается с библейской истории о том, как сыновья Ноя после потопа поделили землю: Симу достался восток, Хаму — юг, а Иафету — северо-запад. После Вавилонского столпотворения, рассказывает автор летописи, когда Бог смешал языки и образовались разные народы, от сынов Иафета пошли норичи, они же славяне. Славяне расселились по Дунаю, затем разошлись по земле, осели на берегах восточноевропейских рек и озер, основали города Киев, Новгород, Смоленск. Так автор последовательно отделяет свой народ сначала от других славянских народов — чехов, поляков, сербов, хорватов. Потом выделяет географически близкие славянские племена: поляне, древляне, дреговичи, полочане, славяне. И вот, наконец, это мы — и это наша история: вот что мы слышали от отцов и дедов, вот как все началось: как основали Киев, как князь Олег ходил на Царьград, как крестилась княгиня Ольга, а затем князь Владимир крестил Русь. Вот что мы знаем о недавних временах: о князьях, которые правили Русью после Владимира, о войнах, которые вела Русь, о врагах, от которых защищалась, о храбрых воинах. Заканчивается рассказ на 1115 году — видимо, здесь уже современность, дальше которой автор заглянуть не может.

Наши корни

Подробный рассказ о крещении княгини Ольги и Крещении Руси князем Владимиром содержится в одном из древнейших произведений древнерусской литературы, которое называется

«Память и похвала князю русскому Владимиру». Оно даже старше «Повести временных лет».

«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона — самый древний из известных нам оригинальных, а не переводных памятников древнерусской литературы. Это речь, которую митрополит Иларион написал и, вероятно, произнес в присутствии князя Ярослава и его второй жены, шведской принцессы Ингигерды (в крещении Ирины), между 1037 и 1051 годами, в храме при большом стечении народа. Ученые расходятся во мнении по поводу того, в каком храме речь была произнесена, — возможно, это был киевский храм Св. Софии.

«Слово» как жанр — образец торжественного красноречия; текст рассчитан на произнесение вслух, и чтение его вслух должно занять не более часа.

С Крещения Руси прошло несколько десятилетий. Русь — совсем молодая христианская страна. Но автор «Слова о Законе и Благодати» — человек образованный, не только хорошо знающий православное учение, но и отлично освоивший лучшие образцы византийской риторики. Он строит свою непростую по содержанию и нелегкую для восприятия на слух, длинную речь так, чтобы помочь слушателям как следует уложить в голове ее логические блоки.

Надо еще сказать, что сама тема, которую митрополит Иларион избрал для своей речи, с тех пор проходит сквозь всю русскую литературу, и, если мы заглянем в Пушкина, Толстого, Достоевского, мы и у них увидим христианскую мысль о торжестве милосердия, прощения, великодушия — одним словом, благодати — над суровой справедливостью закона.

Как же справляется со своей трудной задачей митрополит Иларион? Он строит часть своей речи на противопоставлениях: закон противопоставляется благодати, Ветхий Завет — Новому, рабство — свободе; земное — небесному. И всякий раз показывает слушателям: мы здесь, вот на этой стороне, где свобода, спасение, благодать.

Когда он рассказывает о двоякой, божественной и человеческой, природе Христа, выстраивает предложения так, чтобы слушатели легко восприняли эту двойственность:

«...Как человек, Он питался материнским млеком, — но, как Бог, повелел ангелам с пастырями воспевать: “Слава в вышних Богу”;

как человек, Он был повит пеленами, — но, как Бог, звездой
путеводил волхвов;
как человек, Он возлежал в яслях, — но, как Бог, принял от
волхвов дары и поклонение;
как человек, Он бежал в Египет, — но, как Богу, поклонились
Ему рукотворения египетские...»¹

Те, кто хорошо учился в школе, сразу вспомнят, что этот прием называется синтаксическим параллелизмом. Митрополит Иларион часто им пользуется. Вот, например, как он рассказывает: мы теперь не язычники, а христиане. А значит:

«...И уже не идолопоклонниками зовемся, но христианами,
не без упования еще живущими, но уповающими на жизнь вечную.
И уже не капища сатанинские воздвигаем, но церкви Христовы
созидаем;
уже не друг друга бесам закалаем, но Христос за нас закалаем,
закалаем и раздробляем в Жертву Богу и Отцу.
И уже не как прежде, жертвенную кровь вкушая, погибаем, но,
речистую Кровь Христову вкушая, спасаемся».

Блок за блоком, словесный кирпичик за кирпичиком, он укладывает в сознание своих слушателей основы православной веры и помогает им укрепиться в понимании: мы — мы теперь здесь, на стороне христианства, благодати, со всеми народами, которые видят свет вечной жизни. Мы тоже христиане, нам есть чем гордиться. У нас теперь свои большие храмы, свои святые, свои монастыри — мы есть! У нас есть князь Владимир, который нас крестил, как апостолы крестили другие земли.

Все народы чтят своих учителей и просветителей — «Восхвалим же и мы — по немощи нашей хотя бы и малыми похвалами — свершившего великие и досточудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря и сына славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах и победы и могущество которых воспоминаются и прославляются и поныне. Ибо правили они не в безвест-

¹ Перевод диакона Андрея Юрченко. Здесь и далее тексты приводятся по электронным публикациям Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Библиотека древнерусской литературы) <http://lib.pushkinskijdom.ru>

ной и захудалой земле, но в земле Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли».

Еще один прием красноречия, которым пользуется митрополит Иларион, чтобы не только логически убеждать слушателей, но и зацепить их, заставить их сердца загореться сочувствием, радостью и гордостью за князя Владимира, — это серия риторических вопросов, которые обращены к покойному князю: «Как разверзлось сердце твое? Как вошел в тебя страх Божий? Как приобщился любви Его? Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою и свою нищетою и наготою, гладом и жаждою склоняющего к смирению сердце твое. Не видел ты, как именем Иисуса Христа бесы изгоняются, болящие исцеляются, немые говорят, жар в холод претворяется, мертвые встают. Не видел всего этого, как же уверовал?»

И в самом деле — как? — удивляются слушатели. Божьим чудом, — уверяет их оратор и взывает к князю: восстань, ты не умер, посмотри из гроба на сына своего, на сноху, на внуков и правнуков, на свой город, на церкви и возблагодари Бога!

И заканчивает свое «Слово» он торжественной кодой — вдохновенной благодарностью Богу.

Наши святые

Если мы новый христианский народ (и народ, который хочет быть самостоятельным, независимым от Византии), значит, у нас должны быть не только свои храмы и монастыри, но и свои святые. Но для того чтобы канонизировать святого, должно быть составлено его житие. А значит, появляются первые жития: «Житие Бориса и Глеба» — князей, убитых по наущению их брата, Святополка, «Житие Феодосия Печерского», одного из основателей Киево-Печерской лавры. Св. страстотерпцы Борис и Глеб — первые канонизированные и признанные Византией русские святые; преподобный Феодосий Печерский был канонизирован следующим, даже раньше, чем его учитель, преподобный Антоний Печерский.

Житие — особый жанр церковной литературы, в котором рассказывается история жизни праведника, подвижника, мученика, святого. Это жизнеописание всегда составлялось после смерти человека и содержало сведения о его подвигах веры, чудесах, знамениях.

Постепенно житий становилось все больше, и их стали объединять в своды, которые назывались «Четьи-Минеи» (то есть «ежемесячное чтение»): жития расположены там по дням, когда церковь отмечает память святых, а дни идут в календарном порядке).

В древнерусской литературе авторов житий обычно интересуют не индивидуальные качества их героев, а воплощенная в них святость. Первые русские жития еще сохраняют индивидуальность героев: мы видим кротость и эмоциональность князя Бориса, суровость и строгость преподобного Авраамия Смоленского... Но постепенно общие качества берут верх над индивидуальностью, и уж если святой свят, то он, по словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, «свят до полной абстрактности» — он не земной человек со своим характером, а воплощенная святость. Воин — само мужество, древнерусская литература обязательно заметит, что воин даже ран не чувствует в пылу сражения. Князь, если уж он благоверный, правит мудро, защищает вдов и сирот, поступает по совести, строит храмы, не обижает бедных, а в трудной ситуации полагается на Господню волю. Если его канонизируют и прославляют, то за это, а не за внешнеполитические успехи, например.

Это еще одно важное качество древнерусской литературы: в ней еще нет индивидуального начала. Она еще не открыла характера, личности. Герой изображается так, как предписывается литературным этикетом: существуют специальные правила и даже специальные языковые формулы для изображения святого, князя, княгини, врагов. Герои получаются условными, воплощающими или добродетель, или порок. И это нормально для детства литературы, а Средневековье для большинства европейских литератур — это именно детство.

В книжках для маленьких детей добро есть добро, а зло есть зло, они однозначны и понятны. Так и в средневековой литературе: человек сам выбирает, по добру или по злу поступать, поэтому праведник добр, а грешник зол, но еще может раскаяться. Позднее грешникам даже приписывали дополнительные грехи (например, позднейшие вставки в «Повесть временных лет» подчеркивали, что князь Владимир, креститель Руси, был исключительно женолюбив — совершенно как библейский царь Соломон, — чтобы еще заметнее был контраст с новым Владимиром, в крещении Василием, который стал свободен от прежних грехов и возлюбил добродетель).

В древнерусской литературе еще практически нет автора. Этикет предписывал автору самоуничижение: он умалет себя, чтобы возвеличить важность того, о чем рассказывает. А тексты, существовавшие без указания автора, позднее могли приписать кому-то из Отцов Церкви, например Иоанну Златоусту. Понятия «авторское право», «плагиат», «заимствование», «цитирование» появятся через много столетий: сейчас автор (даже не всегда автор, часто составитель) нового текста опирается на известные ему образцы, берет из них все, что соответствует его задаче.

Наши правила

Детство человека — время, когда ему задают нормы поведения и показывают примеры. Так и детство литературы — время моральных заповедей, поучений и образцов. *Делай так, не делай этак* — и будет все правильно и хорошо.

Поэтому жанр «поучения» — очень важный жанр. Князь Владимир Мономах в своем «Поучении» проповедует своим детям и внукам евангельские истины: «Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: “Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй”. И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, езда. Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не

погубить души своей»¹. Это малая часть советов, которые князь Владимир, «сидя на санях» (сейчас бы сказали — стоя одной ногой в гробу), дает детям и их детям.

Ведите себя по-божески и по-человечески, завещает он, и все у вас будет хорошо.

Мир древнерусской литературы, особенно ее киевского периода, как и детский мир, устойчив, стабилен и понятен. В нем ясно, где верх и низ, что хорошо и плохо. В нем нет вымысла: зачем выдумывать, если Господь и так все хорошо устроил, надо стремиться познать Его замысел. Выдумка — ложь, а ложь — от дьявола.

Как ребенок любит читать и перечитывать одну и ту же сказку много раз, так и древнерусская литература предпочитает предсказуемость новизне, привычность, традиционность — неожиданности. Все персонажи играют свои роли: князья правят и ходят в походы, княгини их ждут из походов и совершают богоугодные дела, святые молятся, по их молитвам происходят чудеса, воины воюют, грешники грешат и иногда потом раскаиваются... Все они не столько живые люди, сколько условные персонажи, воплощенные роли. Но каждый из них сам выбирает вектор, к добру устремляться или ко злу, Богу служить или дьяволу.

Для писателя в Древней Руси его труд очень ответственное занятие, форма служения Богу. Книга нужна, чтобы просвещать людей светом истины, исправлять сердца, давать хорошие примеры, а не отвлекать их вымыслом, не развлекать. Книгу пишут на века — на дорогом и прочном пергамене, над ней долго трудятся писцы; книга почти священный предмет. Она должна воспитывать человека, быть поучительной, правильной. Когда писатель пишет, он следует самым высоким образцам, он совершает свое служение, делает это так, как положено, как будто совершает давно заведенный обряд.

И конечно, в древнерусской литературе тоже есть свое высокое и низкое: именно сейчас в ней на века складывается иерархия чтения: на вершине — Священное Писание; ниже — труды Отцов Церкви, затем жития и патерики. Потом — апокрифы. И только потом — литература познавательного и светского характера: хроники, исторические повести, сборники

¹ Перевод Д. С. Лихачева.

естественно-научных и этико-философских текстов. Особое место занимали жанры риторические: слова и поучения, которые, конечно, тоже носили назидательный характер.

Нет, разумеется, древним людям тоже было свойственно любить, печалиться, радоваться, слушать занимательные небылицы, но для всего этого у них был фольклор: сказки, былины, песни, плачи, прибаутки. Кстати, юмора древнерусская литература была очень долго лишена: она была делом серьезным и не поощряла никакого смехотворства.

Мы в мире

При этом древнерусская культура открыта новым знаниям и впечатлениям, но в первую очередь таким, которые способны пролить на душу свет христианской веры, очистить от греха.

Уже первые тексты древнерусской литературы демонстрируют высокую образованность автора, их открытость миру книжной культуры: они опираются на византийскую традицию, которая основана на Священном Писании, с одной стороны, и сохраняет античное наследие — с другой. Отсюда и богатый символизм, и развитые приемы ораторского искусства.

Древнерусская литература способна говорить о сложнейших материях, обсуждать глубокие философские вопросы, строить изысканные риторические конструкции, играть аллитерациями, нанизывать цепочки синонимов и антонимов.

Древнерусская культура не замкнута; человек живо интересуется другими странами, историей, устройством мира (удовлетворить этот читательский интерес призвана переводная литература, переводят в этот период много и охотно). Более того, люди и сами готовы совершать долгие и трудные путешествия и рассказывать о своих впечатлениях. Так рождается жанр хождений, или хожений (путешествия в самом деле по большей части были пешими), — рассказов о паломничествах в святые места, о посещении других стран.

Первое произведение в этом жанре — «Хождение» игумена Даниила, написанное в начале XII века: рассказ о трудном и опасном путешествии в Святую землю, которое он совершил между 1106 и 1108 годами. Игумен Даниил, человек образованный и наблюдательный, сообщает читателю множество

интересных сведений: от того, как сейчас выглядит Гроб Господень, до того, что выращивают местные жители для пропитания: «Безводно то место: ни реки, ни колодца, ни источника нет вблизи Иерусалима, но только одна купель Силоамская. Но дождевой водой живут все люди и скоты в городе том. И хлеба хорошие рождаются около Иерусалима в камнях тех без дождя, но так, Божиим повелением и благоволением. Родятся изрядно пшеница и ячмень: ведь, одну кадь посеяв, берут девяносто кадей, а другой раз сто кадей за одну кадь. Это ли не благословение Божие земле той святой! Много виноградников около Иерусалима и деревьев фруктовых многоплодных, смоков, шелковиц, маслин, рожков; и другие все различные деревья без числа по всей земле той растут»¹.

Жанр хождений пользовался большой читательской любовью. Скорей всего, читать о путешествиях любили и в XII веке, но об этом трудно судить: списки рукописей сохранились только более позднего времени. Затем путешествия практически прекратились, став слишком опасными или вовсе невозможными из-за военных действий. И лишь через несколько веков читателям снова стали доступны истории о далеких странствиях.

Мы воюем

После смерти Владимира Мономаха в 1125 году Киевская Русь распалась на множество удельных княжеств. Киев перестал быть не только политическим, но и литературным центром: за столетие между смертью Владимира Мономаха и началом ордынского владычества в Киеве не появилось ни одного значимого литературного произведения, если не считать Киево-Печерского патерика и Киевской летописи. Зато в удельных княжествах наступает пора расцвета: их главные города — Владимир, Ростов, Суздаль, Смоленск, Галич, Полоцк, Чернигов — растут и хорошеют, в них строятся каменные церкви, которые украшают лучшие художники. В крупных городах появляется свое летописание, а со временем и своя литературная школа.

У каждой летописи своя стилистика, свой характер: киевляне любят пышные славословия, особенно умершим князьям;

¹ Перевод Г. М. Прохорова.

владимирцы не упускают случая напомнить, как благословенна Владимирская земля, которой покровительствует образ Владимирской Божьей Матери, склонны к морализаторству и не устают восхвалять своих мудрых и благочестивых князей; новгородцы пишут просто, кратко и придерживаются сухих фактов.

Самым важным жанром сейчас становится повесть: очень много всего происходит в наступившие беспокойные времена, и важно сохранить память о событиях, а события эти, как замечала чуть позже Галицко-Волынская летопись, «о бесчисленных ратях, и о великих деяниях, и о частых войнах, и о многих крамолах, и о частых восстаниях, и о многих мятежах»¹.

Главы удельных княжеств состояли в родстве друг с другом, однако постоянно оспаривали друг у друга наследство, претендовали на уделы друг друга и нередко обращались к помощи степного кочевого народа — половцев, чтобы отвоевать у соперника ту или иную землю. Половцы сами то и дело совершали набеги на южные земли. В крупнейшем литературном памятнике XIII века — «Слове о полку Игореве» эта ситуация описана горестно и лаконично: «Борьба князей с погаными прервалась, ибо сказал брат брату: “Это мое, и то мое же”. И стали князья про малое “это великое” молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую»².

Золотое, безмятежное младенчество русской литературы кончилось. Теперь ей предстоит осмыслить, что такое предательство, горе, страдание. Мир не пошатнулся, древнерусский человек не усомнился еще в мировой гармонии и Божьей справедливости, скорее, счел, что это наказание за грехи, и даже понятно за какие: жадность, своеволие, гордыню, желание славы, желание чужого добра. Говоря о нашествии врага, суздальский летописец замечает: «По грехам нашим, приидоша языци незнаеми...» А галицкий сравнивает пришедших врагов с ветхозаветными моавитянами — древним народом, который победил евреев, впадших в грех, и занял их земли.

Поражение всегда наказание за грехи. А победа — это не мы победили, это Бог нам помог, потому что правда за нами.

Древнерусской литературе свойственно искать аналогии происходящему в Библии и объяснять библейскими приме-

¹ Перевод О. П. Лихачевой.

² Перевод Д. С. Лихачева.

рами сегодняшние события. Мы видели, как летописцы искали аналоги крестителю Руси князю Владимиру среди апостолов, теперь видим, как современные летописцу события рассматриваются сквозь призму библейской истории.

У тогдашнего человека совсем другое представление о времени. Лучше всего это объяснить на примере празднования Пасхи: в православном христианстве этот праздник — не воспоминание о воскресении Христа, а само воскресение, которое совершается снова и снова, здесь и сейчас, и жизнь прямо сейчас побеждает смерть — отсюда и всеобъемлющая пасхальная радость. Так и жизнь, которую проживают частные люди и народы, — это тоже часть всемирного цикла.

И люди в литературе ведут себя, как положено части повторяющейся истории, вечно рассказываемой сказки: правильно играют свои роли, произносят положенные по роли слова. Повторяющиеся диалоги, эпитеты и характеристики — все это, кроме того, сближает древнерусскую литературу с фольклором.

Древнерусская литература совмещает почти несовместимое: попытку сохранять верность историческим фактам с приверженностью к прямолинейным библейским аналогиям, христианство с язычеством, фольклорную напевность с мастерски сплетенной книжной речью, нейтральность хрониста с лирической взволнованностью, стремление сохранять историческую дистанцию с острой наблюдательностью очевидца (так автор «Слова о полку Игореве» подмечает, как упоенное недолгой победой над половцами Игоревое войско швыряет в непроходимую грязь взятые у поверженного врага дорогие одежды, чтобы проехать по ним; так автор Киевской летописи, описывая сражение, рассказывает, что в тумане можно было видеть «толико до конец копьа»). Все это создает совершенно особый художественный мир, и мир этот не так уж легко постичь сегодняшнему человеку.

Особняком, конечно, стоит «Слово о полку Игореве» с его огромной лирической и эпической мощью, несмотря на то что рассказывает оно не о крупной военной победе, а о рядовом и неудачном походе не самого знаменитого князя. «Слово» не похоже на другие произведения древнерусской литературы с их четкой жанровой организацией: это не лирика и не эпос, не поэзия и не проза, не хроника и не воинская

повесть — и в то же время это все вместе, сразу. Сюжетная канва повести — не главное для автора, отсюда и его забегания вперед и назад, отступления в сторону: для него неудачный поход Игоря Святославича — повод для горячей речи о самом главном: о судьбе Русской земли и населяющих ее людей. Может быть, она потому так и близка к фольклору, что именно фольклор позволял древнерусскому человеку делиться тревогой об ушедших на войну, оплакивать павших, восхищаться мужеством воинов: в фольклоре были былины, песни, плачи... И недавно народившаяся, только формирующаяся литература охотно черпала из этого источника то, чего ей, книжной, нравоучительной, умственной, недоставало: лирическую силу, яркую выразительность, певучесть.

Ведущим жанром в это время становится **повесть**: очень уж стремительно происходят события, очень о многом надо рассказать потомкам. Повести о конкретных исторических событиях обычно входят в состав летописей. Из исторической повести можно выделить особый жанр **воинской повести**. Ее предметом сначала становятся междоусобные распри князей, их походы на половцев, призывы к единению, затем, со второй трети XIII века, — борьба против ордынского владычества, за независимость Руси (привычное слуху название «татаро-монгольское иго» историки сейчас уже не считают корректным).

Как отмечал исследователь древнерусской литературы Олег Викторович Творогов, в XIII — начале XIV века развитие литературы замедляется. Замедляется и развитие культуры: больше не строят каменных соборов. Археологи находят в исторических слоях, соответствующих этому времени, следы многочисленных пожаров, и при этом культурный слой после пожаров беднее допожарного, а иногда на месте сожженного поселения уже ничего не появляется.

В литературе главенствует воинская повесть. В русские летописи времен ордынского владычества включаются повести, рассказывающие о главных событиях XIII–XV веков: «Повесть о битве при реке Калке», «Повесть о разорении Рязани ханом Батыем», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о нашествии Тохтамыша» и др. Литература описывает разорение городов и истребление жителей, оплакивает убитых и горюет о погибающей родной земле. Одно из самых примечательных произведений этого времени — коротенький фрагмент утра-